

ПЕРСОНА

Кто не спит «в рабочий полночь»

Актер Константин Кравинский — талисман «Эха Москвы»

В эк. — 1996. — 29 ноября — 5 Дек. (№ 46). — С. 4

Из подъезда старенького московского дома выбежал человек и нетерпеливым жестом остановил проезжавшую мимо машину: «Друг! Опоздаваю! На Калининский...» «Знаю. На «Эхо Москвы» за червонец», — прервал водитель. Человек с недоумением сел в машину: «Откуда вы знаете?» «Так тебя на Калининском все «водилы» знают, как ты выскакиваешь на дорогу и кричишь: «Я с «Эха Москвы», мне на Малую Бронную!»

Так и проходят будни актера Константина Кравинского. Дом — радио — Театр на Малой Бронной.

— У меня были случаи, — вспоминает артист, — когда я играл в утренних детских спектаклях и одновременно вел радиопрограмму «Алло!» Игра кончалась в 12 часов, а через 10 минут я должен был появляться на сцене в образе Волка. От Нового Арбата до Малой Бронной, слава Богу, не очень далеко. Где-то без пяти минут двенадцать я выскакивал из студии, оставляя надежду с микрофоном совещущего, бежал в театр, переодевался и в 12.10 — уже на сцене.

— Ты помогаешь Матвею Гананольскому вести «Детектив-шоу» и выходишь в эфир «В рабочий полночь» с Алексеем Кашиным, участвуешь во всевозможных играх...

— Безуде есть своя прелесть. Я работаю в театре, на радио — меня пригласили на роль Петровича в сериал «Дом 7, подъезд 4». Это совместное производство Би-Би-Си и «Эха Москвы», что меня жутко обрадовало. Ведь эту радиостанцию я слушал с 90-го года. Корзун, Бунтман, Венедиктов, Ларина, Галицкая были для меня настоящими звездами. Я пришел на пробы. Вижу, сидит директор группы, усатый человек в очках и с трубкой. Говорит очень знакомым голо-

сом. «Кто это?» — спрашиваю. «Это Сергей Бунтман». Мы разговорились, он рассказал много забавных историй, и постепенно я перезнакомился со всеми «эховцами», ввелся в некоторые передачи, игры. А позоровать позволяет участие в саморекламе передачи «Печатный прятки». Мы записываем игровые анонсы на каждый день (кстати, и «Век» не раз представляли), и получают такие мини-спектакли. Это интересная работа с точки зрения и актерской, и даже авторской, ведь все придумывать приходится самим. Главное, сложилась целая команда во главе с Львом Гулько, а без команды, сам знаешь, сделать что-то полноценное невозможно.

— В театре есть такая команда?

— Да. Она сложилась во время работы над спектаклем «Мое заглавие» по Арбузову. Теперь Артем Хряков поставил с той же командой свою пьесу, честно и откровенно скажу — замечательную. Называется «С болваном».

— И болван, конечно, ты?

— В какой-то степени. Там все болваны. Но глупо пересказывать сюжет, надо смотреть. Я играю парализованного старика, который молчит весь спектакль, а в конце говорит монолог.

— Везет тебе на такие роли. В «Моем заглавии» ты играешь диктора и два часа сидишь в телевизоре, причем и в антракте тоже. Опять же и роль возрастная — отец взрослой дочери.

— Да отец-то такой — условный, без грима. Зато дочь настоящая, красивая, стройная. Обнимаешь ее и говоришь: «Девочка моя...» И сам взрослеешь.

— Это все роли твои, ты их первый исполнитель. А каково было влезть в костюм Леонида Бронегов?

— Я безумно любил спектакль «Женитьба», поставленный в 75-м году великим Анатолием Эфросом. 53 раза я смотрел его, как околдованный. Причем стоя, так как негде было сесть. Театр окружала конная милиция. Я знал наизусть все роли и разыгрывал спектакль перед близкими, доводя их до смеха. А потом я стал актером и был счастлив, выходя в массовке, были случаи, когда приходилось подменять исполнителей главных ролей. И вдруг из театра ушел Броневой. «Кто же будет играть Яичницу?» —

фото Ольги ЧУМАЧЕНКО

спрашиваю Дурова. «Кто, кто... Вот ты и будешь. Больше никому».

А теперь спектакля нет совсем. В этом году сняли с репертуара.

— Какую роль в выборе профессии сыграли твои родители — Антонина Дмитриева и Евгений Кравинский?

— Никакой. Они сами актеры, и я с детства уже был уверен, что пойду по их стопам.

— Легко ли играть в одном театре и тем более в одних спектаклях с матерью?

— Очень сложно. Я пришел

на Малую Бронную, так как очень уважал и любил Эфроса. Его портрет до сих пор висит в моей комнате. Мама проработала с ним всю жизнь, начиная с Детского театра. А теперь за 12 лет я тоже сросся с этой сценой и ничего менять не собираюсь. Но ругаться с Антониной Ивановной приходится. Был у нас спектакль «Волки и овцы», где она играла Мурзавецкую, а я — ее племянника. Так все наши друзья семьи после сцены ругали Мурзавецких спрашивали: «Островский у вас на кухне не бывал?». Тяжело, когда вместе живешь, еще и работать вместе.

— Позволь спросить, а как ты учился в школе?

— Плохо. Да и вел себя не лучшим образом. Меня выгнали после восьмого класса, и я попал в школу рабочей молодежи. Учился, между прочим, с внуком Давида Ойстраха. Я вообще человек сложный. Вредные привычки есть. Но борюсь. Друзья помогают...

— Не каждый может похвастаться друзьями.

— А я могу. Я это понял, когда случилась трагедия. Меня чуть не убили, буквально. Какой-то кретин напал ночью с ножом... И я лежал в институте Склифосовского. Так вот то количество людей, которые туда приходили не по одному разу, а просто каждый день, порой человек по пятнадцать за раз, просто шокировало моих соседей по палате. И, честно говоря, сейчас мне иногда хочется в то время. Потому что было чувство, что я не один.

— Ты знаешь, что на «Эхе Москвы» тебя называют талисманом?

— Талисманом? Нет. А это интересно. Как Мишка. Значит, скоро улечу на шарике далеко-далеко...

Беседовал
Сергей КАПКОВ